Флёр и Виктор оценивающе посмотрели на своего товарища-чемпиона, оценивая уровень его потенциальной угрозы, исходя из его поведения.

— Ну, как насчёт парочки слов? — спросила Скитер в наступившей неловкой тишине, вставая и направляясь к Гарри.

— Почему со мной? — спросил Гарри.

— Пардон? — переспросила Скитер, её фальшивая, но приятная улыбка всё ещё была на месте.

— Здесь целых три чемпиона, почему вы хотите поговорить именно со мной? — уточнил Гарри. Конечно, он уже знал, почему она хочет поговорить с ним. Она надеялась написать ещё одну токсичную статью. Любой, кто когда-либо читал один из её «вкладов» в журналистику, мог догадаться об этом.

— Ну… потому что ты здесь самый молодой. Я хотела узнать твою собственную точку зрения, — ответила Рита, внутренне очень расстроенная тем, что её так расспрашивали. Первоначально она собиралась затащить Поттера в более уединённое место, но, увидев его размеры и то, как он вёл себя с Людо, решила отказаться от этого.

— Я уверен, что у всех нас есть свои собственные точки зрения, — вежливо заметил Гарри. Эта женщина почти что кипела от своей мелочной злобы.

— Да, но, без сомнения, как самый младший… — настаивала Рита. Она очень хотела, чтобы Гарри остался с ней один.

— Да, на целых три года, — саркастически перебил Гарри. — Довольно, либо вы говорите со всеми нами, либо ни с кем из нас.

Рот Скитер громко захлопнулся, и её приятный фасад на мгновение превратился в гримасу ненависти, но она быстро взяла себя в руки.

— Если ты настаиваешь, тогда давайте приступим.

С этими словами она полезла в свою сумочку из крокодиловой кожи и достала кислотно-зелёного цвета перо.

— Я не стану разговаривать с репортёром, который использует Прытко-Пишущее Перо, — категорично заявил Виктор, хмуро глядя на Скитер. Его уже предупреждали о таких репортёрах, как она.

— Я тоже отказываюсь, — добавила Флёр. Хоть она и не знала, что такое это прытко-пишущее перо и почему болгарин так сильно переживал из-за него, но понимала, что эта Скитер — женщина неприятная, и что у него наверняка имеется опыт общения с репортёрами, поэтому и взяла с Крама пример.

Гарри лишь слегка ухмыльнулся и начал готовить ещё одно Зудящее проклятие. Скитер уже успела однажды навредить ему, но он был готов забыть эту выходку, поскольку она не стоила того времени, необходимого для мести, но эта тупая сука просто не знала, когда нужно остановиться. Прытко-пишущее перо было самым главным инструментом папарацци: оно брало простые высказывания и превращало их в сенсационный мусор. В общем-то, приспособление довольно впечатляющее, если не принимать во внимание его назначение.

— Отлично, — процедила Скитер с заметным раздражением, когда заменила своё кислотное перо на обычное. — Итак, Гарри, почему ты решил участвовать в турнире?

— Были причины, — таков был его бесполезный, навеянный интернетом ответ. Зудящее проклятие ещё не было завершено, и он не мог уделить внимание разговору о чём-то другом.

— Какие причины? — надавила Скитер.

— Личные.

— Как ты думаешь, что твои родители подумали бы о твоём участии? Они бы гордились тобой? Ты поэтому решил участвовать? — Скитер отстреливалась быстро, всё сильнее желая спровоцировать ответ.

И она получила такой, когда Гарри закончил плести проклятие и наложил его на репортёршу.

— Мои родители мертвы, — заявил он. — Они больше ничего не чувствуют.

— А как насчёт твоего крёстного отца, Сириуса Блэка? — спросила Скитер. Она бы с удовольствием продолжила копошиться в смерти родителей Поттера, но прекрасно понимала, что ей нужно быть осторожной в присутствии стольких людей. Нельзя допустить, чтобы её обвинили в бессердечии. К тому же, у неё только что появился чрезвычайно раздражающий зуд в ногах, и думать ей становилось всё труднее.

— А что с ним? — спросил Гарри, намеренно играя дурачка. Ему доставляло удовольствие лицезреть, как эта токсичная репортёрша корчилась.

— Он бы гордился тобой? — уточнила Скитер, слегка наклонившись вперёд, так как зуд также появился между её лопатками, настолько невыносимый, что почти начал причинять боль.

— Вам придётся спросить у него самого, — пожал Гарри плечами. Конечно, Сириус гордился им. Мужик, похоже, считал, что обойти возрастную линию Дамблдора было отличной шалостью. — В любом случае, я думаю, вы уже задали мне достаточно вопросов.

— Хорошо! — огрызнулась репортёрша, её самообладание сильно пошатнулось, когда невыносимое ощущение чесотки переместилось к её промежности. — Мисс Делакур, как вейла, чувствуете ли вы себя ущемлённой в состязании с настоящими волшебниками?

Флёр испытывала нарастающее чувство недоверия и отвращения к этой журналистке и её вопросам. Она не только была назойливой и грубой, но и спрашивала о чьих-то умерших родителях в невероятно дурной манере. Обструктивные ответы Поттера были забавными, и она должна была отдать ему должное за то, что он сохранил спокойствие, несмотря на её раздражение из-за вольностей, которые тот допустил на отборе чемпионов.

Потом эта несносная женщина обратилась к ней и задала этот вопиюще расистский вопрос. Вейлы, как правило, быстро выходили из себя, и Флёр в этом отношении ничем от них не отличалась. Намёк на то, что она в чём-то хуже, потому что является вейлой, оставлял для неё только один возможный ответ.

— Va te faire foutre, pétasse! — выплюнула она.

Гарри не говорил по-французски, но он мог распознать интонацию и поэтому был уверен, что его коллега-чемпионка только что сказала что-то чрезвычайно грубое. Его мнение о ней улучшилось сразу на несколько пунктов.

Любая дальнейшая эскалация этой драмы была прервана, когда в комнату вошли Дамблдор, мадам Максим, Каркаров и Олливандер.

— Ну, кажется, вы все прекрасно поладили, — заявил Дамблдор, сверкнув глазами, как будто не мог почувствовать, насколько напряжённой была атмосфера.

***

Следующие несколько минут Олливандер проверял их палочки. Ничего интересного в этом не было, хотя Гарри наконец-то узнал, почему палочка Флёр ощущалась такой странной. В качестве сердцевины у неё использовались волосы её бабушки. Очень интересно: он заметил, что волосы Флёр, похоже, обладают магическими свойствами, которых нет у полностью человеческих ведьмы или волшебника, но не думал, что их можно использовать в качестве сердцевины для палочки.

Жутковатый старый палочник по-прежнему смотрел на Гарри тем же умозрительным взглядом, что и много лет назад, когда тот только-только купил свою палочку, но теперь-то парень знал, почему. Его способность заставлять любую палочку реагировать, пусть и слабо, выдавала его прежнее увлечение магией. А поскольку он, очевидно, никогда не держал в руках этот инструмент, это означало, что он делал это без неё. Гарри просто повезло, что Олливандер не имел привычки раскрывать такие вещи другим людям... скорее всего.

Другим развлечением было наблюдать, как Скитер краснеет, потеет, корчится, ёрзает, почёсывается и вообще чувствует себя очень неловко под действием Зудящего проклятья. Неудивительно, что люди становятся потом злыми: наблюдать за страданиями своих врагов было так приятно.

Когда взвешивание палочек было закончено, Дамблдор встал со своего места за судейским столом.

— Всем спасибо. Теперь вы можете вернуться к своим урокам, или, возможно, будет лучше просто спуститься на ужин, так как те вскоре закончатся...

Молчаливый фотограф при этих словах встал и многозначительно прочистил горло.

— Фотографии, Дамблдор, фотографии! — быстро поддержал его Бэгмен, — Все судьи и чемпионы, что скажете, Рита? Боже мой, Рита, вы в порядке? — последняя фраза было сказана с тревогой, так как Бэгмен, наконец, заметил, насколько измотанной выглядела репортёрша.

— Да, я в порядке, — резко ответила Скитер, отчаянно пытаясь игнорировать ощущение от крошечных насекомых, вгрызающихся своими клешнями ей в пятки.

Последовавшая затем фотосессия была ужасно раздражающей. Сначала они потратили добрых десять минут, пытаясь заставить мадам Максим вписаться в кадр, но потом признали своё поражение и заставили её сесть, а теперь занялись более мелкими проблемами. Крам всё пытался спрятаться позади, а Каркаров подталкивал его вперёд, Бэгмен не мог определится с местом, Скитер становилась всё более раздражительной из-за проклятия, а фотограф настойчиво пытался вытащить Флёр на передний план и использовать этот предлог, чтобы к ней прикоснуться.

Гарри прямо-таки слышал, как она скрежещет зубами. Он мог бы посочувствовать девушке, так как сам был в ярости.

Он наложил ещё пару Зудящих проклятий, на этот раз на Бэгмена и фотографа. Дамблдор неодобрительно взглянул на него, но Гарри это уже не волновало.

Флёр слегка приподняла брови, наблюдая за тем, как надоедливый чиновник Министерства и свинья-фотограф демонстрировали свою нецивилизованность, почёсывая себя так, словно от этого зависела их жизнь. Она заметила, что Скитер уже долгое время выглядит крайне нездорово, и подумала, не связано ли это с чем-то, возможно, даже заразным. Она бы не стала сбрасывать со счетов какую-нибудь британскую болезнь.

Флёр взглянула на зеленоглазого волшебника, стоявшего сейчас рядом с ней. Он выглядел бесстрастным, но Флёр уловила нотку удовлетворения в его удивительно замкнутой ауре.

— Что ти с н'ими сделал? — тихо спросила она.

Гарри на мгновение удивился, но, быстро сообразив, что к чему, пробормотал ответ:

— Что ты сказала Скитер?

Хотя Флёр и раздражало, что на её вопрос отвечали вопросом, она понимала, что он предлагает обменяться информацией. Кроме того, то, что она сказала, не было каким-то большим секретом.

— Я сказала ей, чтоби она шла на х'уй, — перевела она, приподняв подбородок в бессознательном жесте неповиновения ожидаемому неодобрению.

Гарри прикусил губу, чтобы не рассмеяться. Мысль о том, что ультракрасивая вейла с её утончённым образом может быть такой вульгарной, действительно позабавила.

— В самый раз, — произнёс он через несколько мгновений, всё ещё забавляясь.

Она подняла бровь, очевидно ожидая ответа на свой вопрос.

— Зудящее проклятие, — признался он.

Губы Флёр скривились в лёгкой ухмылке.

— В самий раз, но к'ак ти его наложил?

Гарри лишь загадочно улыбнулся.

http://tl.rulate.ru/book/17817/1302287